

СЕРГЕЙ НИКОЛЬСКИЙ*

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ ГЕРОЕВ ДОСТОЕВСКОГО И ИХ БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РЕИНКАРНАЦИЯ**

Получено: 11.08.2021. Рецензировано: 25.08.2021. Принято: 03.09.2021.

Аннотация: В романах Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание» и «Бесы» каждому основному герою сопутствуют экзистенциальные смыслы — органические части произведений. Без их формулирования герои бы не имели столь глубоких, философски значимых характеров. Эти смыслы: «рвущаяся к свету душа»; разрешаемая «кровь по совести»; старчество — «берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю»; никаким грехом «не истощимая и бесконечная божья любовь»; немислимость, но все же реальная явленность «будущего члена „всемирно-общечеловеческой социальной республики и гармонии“»; определение людей как «бунтовщиков слабосильных, собственного бунта своего не выдерживающих» и потребность «общности преклонения» перед «силами чуда, тайны и авторитета». Формулируя и раскрывая их содержание, Достоевский, несомненно, отчетливо сознавал, что тем самым создает представление о природе русского человека, существенно отличной от природы людей иных культур. В этой природе автор усматривал возможность реализации божеского предназначения русских «сказать свое слово миру», вывести мир из лжи, меркантилизма и потребительства, ассоциируемых им с либерализмом, в трясину которого все сильнее погружается Европа и на котором пытается созидать себя Америка. Но экзистенциальные смыслы, как открывает история, темпоральны, то есть перебрасываются во времени, в частности, обретают новую жизнь в большевистскую эпоху. Отчего они начинают давать о себе знать именно в это время? Вероятно, оттого, что страна в очередной раз начинает искать свое предназначение в мире, сознать глубинный смысл своего бытия и, более того, безоглядно практически преобразует себя в соответствии с некой схемой, в которой даже сами ее творцы толком не разобрались; ведь в применении марксизма на русской почве было больше авантюрного действия, основанного на фантазии и фанатизме, чем даже простого здравого смысла. Броситься в пучину переустройства мог только человек, уверовавший, в частности, что это именно то, чего жаждет его «душа, рвущаяся к свету», и что обеспечивается остальными присущими его природе экзистенциальными качествами и свойствами.

Ключевые слова: человек, история, экзистенциальный смысл, темпоральность, большевизм, фантазия, фанатизм.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-3-32-55.

*Никольский Сергей Анатольевич, д. филос. н., главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры Института философии Российской академии наук (Москва), s-nickolsky@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-2202-2043.

**© Никольский, С. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Два века назад Бог послал России мыслителя, обладавшего способностью обнаруживать в настоящем и прозревать в будущем экзистенциальные смыслы человеческого бытия и поступков людей. И пока он, сжигаемый страстями и недугами, был жив и продолжал говорить, была жива и надежда, что этот преподнесенный людям дар будет принят, что на него обратят внимание и, осмыслив увиденное, задумаются. Но современники не оценили, а мало размышлявшие и увлеченные поисками пути радикального преобразования мира потомки и вовсе не обратили внимания. И расплата за непринятый дар Господа, за небрежение его предостережениями не замедлила сказаться. На русскую землю, залив ее кровью братьев, ступил «новый человек» — послушный воле диктатора, беспамятный и страшный в своей активности и равнодушной тупости ко всему, что выходило за пределы его примитивных потребностей и фантазий узкого лба. Предостережения Бога остались незамеченными. А без их осмысления и приятия человек на одной шестой мира оказался обреченным на погружение в топь. В этом — один из трагических смыслов, о котором стоит напомнить в год двухсотлетия рождения Достоевского, которое, уверен, будет с помпой отмечено современниками, к роковым предостережениям по-прежнему оставшимися глухими.

Проброшенные во времени экзистенциальные смыслы Достоевского связаны с тремя географическими местами, символизирующими опорные точки, вокруг которых вертится карусель русской жизни от последней четверти XIX столетия и далее, в XX и XXI веках. Первая — Скотопригоньевск («Братья Карамазовы»), место рождения смыслов в контексте истории отца и детей Карамазовых. Вторая — Петербург («Преступление и наказание»), столица империи с ее философией подполья и чердаков. И, наконец, третья — не поименованный, но легко узнаваемый провинциальный город, в котором соорганизовалась первая кровавая революционная «пятерка» — прообраз большевизма («Бесы»).

Читателям Достоевского очевидно, что любой герой каждого из его романов связан с определенной философской идеей или даже системой идей. Часть подобных идей имеет четко выраженную протяженность во времени и даже материализацию. Такого рода системы идей я имею в виду проброшенными во времени (темпоральными) экзистенциальными смыслами. Именно в связи с ними о Достоевском говорят как о провидце революционных российских потрясений, угадавшем, в частности, многие черты будущего лика русского большевизма — ленинско-сталинского осмысления и реализации идей К. Маркса на русской почве. Во многом

по этой причине подготовленный в 1935 году в СССР отдельный двухтомник «Бесов» света не увидел и до 1989 года роман публиковался не иначе как в составе четырех изданий собраний сочинений писателя.

Что позволяет говорить о темпоральных экзистенциальных смыслах как об отдельном исследовательском предмете? То, что оседлавшие Россию во времена Ленина–Сталина большевики во многих своих характеристиках и в поведении оказались теми же, кем были и их предки, описанные Достоевским, — русские люди дореформенной и постреформенной России Александра II, и руководствовались они теми же означенными Достоевским идеями. В этой связи мысль моей статьи в том, что открытые и описанные Достоевским глубинные темпоральные экзистенциальные смыслы составляют обстоятельства и существо мало меняющейся во времени природы русского человека, а Митя, Иван и Алеша Карамазовы, Родион Раскольников и Петр Верховенский — близкие родственники-предки большевиков — фантазеров, мечтателей, убийц.

Думаю, что при всем огромном многообразии известных исследований творчества Ф. М. Достоевского, предложенная в статье тема исследовалась не слишком часто. Поэтому задача моего текста — *выявление и анализ темпоральных экзистенциальных смыслов, сформулированных Достоевским в связи с основными героями романов «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание» и «Бесы», которые, будучи важными характеристиками природы русского человека, обнаружались и дали себя знать через десятилетия в большевистскую эпоху.*

В заключение предупреждения я также должен обозначить причину избранной мной вольной последовательности обращения к названному романам. Как известно, первым, в 1866 году, увидел свет текст «Преступления и наказания», затем, в 1870, вышел роман «Бесы» и, наконец, в 1880 — «Братья Карамазовы». Однако с учетом темы моей статьи чаще я обращаюсь к названным произведениям в иной последовательности, которая диктуется содержанием рассматриваемых экзистенциальных смыслов.

О том, что Достоевский изображает не просто отдельную личность, но «тип человека» и как продолжение формулирует связанные с этим типом темпоральные экзистенциальные смыслы, становится ясно сразу — уже в начале романа «Братья Карамазовы», в повествовании автора о Федоре Павловиче. При этом установка на обнаружение экзистенциальных смыслов, осознанная или существовавшая подспудно, как

полагаю, не оставлялась автором во время работы над всеми тремя романами и постоянно реализовывалась посредством их основных персонажей. В дальнейшем, повторяю, эти смыслы как полученный Достоевским результат его мыслительной работы в силу того, что они были существенной частью природы русского человека, нашли свое воплощение в теории и практике большевизма. Каковы же они?

1. «Рвущаяся к свету душа» (Д15. Т. 9: 30).

Возможно, первой в качестве исходной и значимой для человека осознанной потребности и силы, равно как и в качестве темпорального экзистенциального смысла, должен быть выделен смысл-метафора рвущейся к свету души. Не нужно спрашивать, что значат «свет», «душа» или «порыв». Для той смеси разума и чувства, которая и составляет содержание исследовательского метода Достоевского таких определений не требуется¹. Здесь действует правило: либо читателем все исходящее от автора изначально принимается, и любые вопросы излишни; либо Достоевский — не ваш писатель, и лучше сразу отложить книгу в сторону.

Из пояснений автора, адресуемых Алеше, мы узнаем, что лишь избранная им дорога «разом и всецело» представила ему желаемый «идеал исхода рвавшейся из мрака к свету души его», что требовало «немедленного участия» и «скорого подвига», притом «с непрременным желанием хотя бы всем пожертвовать для этого подвига, даже жизнью» (там же). К несчастью, расширяя эту характеристику на русское юношество вообще, автор замечает, что не понимают эти юноши,

что жертва жизнью есть, может быть, самая легчайшая изо всех жертв во множестве таких случаев и что пожертвовать, например, из своей кипучей юностью жизни пять-шесть лет на трудное, тяжелое учение, на науку, хотя бы для того только, чтобы удесяттерить в себе силы для служения той же правде и тому же подвигу, который излюбил и который предложил себе совершить, — такая жертва сплошь да рядом для многих из них почти совсем не по силам (там же).

Задумаемся о прочитанном.

Практический смысл сделанного замечания подвигает к вопросу: что следует из того, что, положим, «жертва жизнью» будет осмыслена как легчайшая, и почему юноше надлежало бы предпочесть более тяжелую

¹Возможно, именно это и имел в виду С. Франк, когда говорил о «сочувственном постижении» как о методе работы автора в художественной философии и исследователя с художественной философией. См.: (Франк, 1996: 163).

жертву в пять-шесть лет? И, более того: почему смерть для русского юноши предпочтительна, а отложенное исполнение задачи как тяжелое учение ему не по силам?

Эти обращенные к глубинному содержанию природы русского человека вопросы, к сожалению, не получают ответа Достоевского. Впрочем, опять же, как и в случае с определением «души», ясно, что нужен выбор: либо невопрошающее приятие, либо книгу в сторону. Довольно и авторской констатации: русский юноша предпочитает жертвовать жизнью и к этому готов. Но вот чьей: своей или не только своей, но и любой — вопрос следующий. И он, к ужасу морального сознания, оказывается для этих юношей с рвущейся душой, как показывает Достоевский, подчас непринципиален: ради высокой цели — готов жертвовать любой жизнью!

Конечно, сам Алеша идет в мир не жертвовать чужими жизнями, а спасти братьев и отца. Иван же не предпринимает действий, а только мучится идеей: допустимо ли, чтобы «один гад съел другую гадину»². Но уже Раскольников ставит под вопрос абсолютное право на собственную жизнь не для всякого человека (и, конечно, давая ответ отрицательный, *свое* право на чужую жизнь реализует). Тем более, в этом ответе — уже без колебаний, моральных переживаний и психологических мучений — решителен Петр Верховенский. Оказывается, что, начиная с безоглядного «права» распоряжения своей жизнью ради «света», это право, как салазки с ледяной горки (образ Достоевского), несется к «праву» распоряжения любой жизнью вообще. И это сквозная мысль всех трех романов.

Приведенная дилемма о своей-чужой жизни — не выдумка Достоевского. Логика здесь неумолимая, реальная и в истории России реализованная. Ведь народническая организация «Земля и воля», начав с неудачной мирной агитации «хожденцев» в гущу темного народа³, вскорости перешла к идее личной жертвы и, соответственно, к абсолютному праву отнимать жизни других — к последовательному и систематическому террору, что в подцензурное советское время было максимально отрицательно определено блестящим романом Ю. В. Трифонова как всего лишь «нетерпение» (Трифонов, 1974).

²То, что Иван не до конца сложившийся психологический тип, следует из замысла самого автора. Достоевский пишет о нем следующее: «...много надеясь, но не зная на что, многого, слишком многого ожидая от жизни, но ничего не умея сам определить ни в ожиданиях, ни даже в желаниях своих» (Д15. Т. 9: 298).

³Нельзя не сослаться на заключительный в шеститомной серии роман «Новь» (Турганев, 1982).

Но обнаруженный в природе русского человека темпоральный экзистенциальный смысл «рвущейся к свету души» впоследствии начинает собственную жизнь и в большевистских воплощениях становится главной идейной основой и практическим лозунгом марксизма на русской почве⁴.

Конечно, смысл-метафора по большому счету не несла в себе рационального содержания. На оно и не было нужно. Ведь речь идет об одной из экзистенциальных основ, кои в рационализации не нуждаются, поскольку она им, будучи навязана, только вредит. Все — от первых бессудных расстрелов (сразу после Октября, задолго до объявления «красного террора») и поставленной Лениным после роспуска небольшевистских советов и образования вместо них Комитетов деревенской бедноты задачи внести революционную борьбу в деревню⁵, дабы революция на забуксовала на своем буржуазном этапе, — до сталинских политических процессов, массовых репрессий и конвейера ГУЛАГа — было воплощением идеи-смысла-метафоры «рвущейся к свету души» и имело оправдание ей.

Но где же обоснование экзистенциального смысла «рвущейся к свету души»? Ведь на чем-то, кроме эмоции, он должен основываться? И таковое, — с фанатизмом, как отмечает Разумихин, — формулирует Родион Раскольников — «кровь по совести».

2. «...Но что действительно оригинально во всем этом, — и действительно принадлежит одному тебе, к моему ужасу, — это то, что все-таки кровь по совести разрешаешь, и, извини меня, с таким фанатизмом даже... В этом, стало быть, и главная мысль твоей статьи заключается. Ведь это разрешение крови по совести, это... это, по-моему, страшнее, чем бы официальное разрешение кровь проливать, законное...» (Д15. Т. 5: 249)

⁴Впрочем, уже в монологах Дмитрия Карамазова начинает сквозить идея будущего воплощения экзистенциальных смыслов: вспомним, с каким ужасом он время от времени повторяет зловещее для него слово «реализм». В нем — предчувствуемое страшное будущее, грозящее скоро сделаться действительностью.

⁵«Образование в деревне комитетов бедноты было поворотным пунктом и показало, что рабочий класс городов, объединившийся в Октябре со всем крестьянством для того, чтобы разбить главного врага свободной, трудящейся и социалистической России, чтобы разбить помещиков, — от этой задачи пошел вперед, к гораздо более трудной и исторически более высокой и действительно социалистической задаче — и в деревню внести сознательную социалистическую борьбу, и в деревне пробудить сознание» (выделено мной — С.Н.) (Ленин, 1974: 354).

Для самого Раскольниковва рационализация идеи «крови по совести» необходима была в прямом смысле жизненно. Сошлось так, что без ответа на нее в качестве практического действия его самосознание («тварь дрожащая или право имею») было в тупике, из которого был только один выход — в личную смерть. Столь же важной реализация этой идеи была и для большевиков, ведь в сравнении с эмоцией «души и света» «кровь по совести» была уже тем, что можно было включить в ткань идеологии. И большевики в качестве не прямых, но все же наследников народолюбцев-террористов этим в полной мере воспользовались. Более того, изначально они осознавали гигантские масштабы практической реализации идеи и искали ей оправдания, в том числе и критикой иных философских позиций. При этом опорой избирались некие абсолютно доминантные «классовые пролетарские корни». Согласно им — рассуждал, например, один из видных теоретиков большевизма, соратник Н. И. Бухарина по нескольким трудам Е. А. Преображенский — отдельный член класса должен смотреть на себя как на орудие борьбы всего рабочего класса в целом. Конечно, это противоречит позиции «хваленного теоретика» буржуазии И. Канта, согласно которой никогда нельзя видеть в другом средство достижения цели, но всегда нужно видеть только цель. Но

можно себе представить, — иронизирует большевик, — как далеко ушел бы пролетариат в своей борьбе, если б руководствовался этим, а не совсем противоположным требованием в своих классовых интересах. Пролетариат в борьбе за власть жесток и беспощаден. Он не только не щадит своих врагов, но не щадит, где это нужно для дела, и лучших представителей своего класса... На севере Сибири, бывает, что громадное стадо оленей переходит широкую реку. Перейти на тот берег необходимо для спасения от голода всего стада. Но река глубока, и мост наводит социальный инстинкт стада трупам передовых (Преображенский, 1923: 72–73).

Еще более предметно по поводу широко толкуемой «крови по совести» высказывался Ленин уже в начале января 1918 года, когда требовал от любой мифической, но страстно желаемой им «коммуны» — фабрики, деревни, потребительского общества — жесткого учета и контроля за трудом и распределением продуктов в соответствии с правилами и законами социализма, согласно принципу «кто не работает, тот пусть не ест». Формы и способы такого учета, полагал он, могут быть разнообразны.

Разнообразие здесь есть ручательство жизненности, порука успеха в достижении общей единой цели: очистки земли российской от всяких вредных насекомых, от блох — жуликов, от клопов — богатых и прочее и прочее. В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы (так же хулигански, как отлынивают от работы многие наборщики в Питере, особенно в партийных типографиях). В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ до их исправления, надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвертом — *расстреляют на месте одного из десяти*, (выделено мной — С. Н.) виновных в тунеядстве. В пятом — придумают комбинации разных средств... (Ленин, 1974: 204)

В целом реализация смысла «крови по совести» не только в узком, но и в разнообразном и широком его толковании стоила стране следующих колоссальных человеческих потерь. В результате отчасти объективного, отчасти искусственно созданного большевиками голода 1921–1923, 1932–1933 и 1946–1947 годов погибло от 11 до 12 миллионов человек. Коллективизация с политикой раскулачивания привела только к выселению порядка миллиона семей. Даже считая по нижнему пределу — пяти–шести членам семьи, — это дает цифру в пять–шесть миллионов. Сколько из них было уничтожено и погибло от голода и болезней, точным подсчетам не подлежит.

26 марта 1953 года Берия подает в Президиум ЦК КПСС докладную записку с проектом Указа об амнистии. В записке указано, что

из 2.526.402 заключенных ГУЛАГа лишь 221.435 человек («шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, эсеры, националисты и др.») являются особо опасными государственными преступниками (Чупринин, 2020: 25).

Принимая во внимание, что цифра два с половиной миллиона была достаточно постоянной, можно примерно представить, сколько жертв «крови по совести» ежегодно содержалось и гибло в тюрьмах и лагерях.

1 февраля 1954 года Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко, министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов и министр юстиции СССР К. П. Горшенин направляют первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву «совершенно секретную» докладную записку, в которой говорилось:

По имеющимся в МВД СССР данным, за период с 1921 года по настоящее время за контрреволюционные преступления было осуждено Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым Совещанием, Военной Коллегией, судами и военными трибуналами 3.777.380 человек, в том числе: к высшей мере наказания — 642 980 человек, к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет

и ниже — 2.369.220 человек, в ссылку и высылку — 765.180 человек. Из общего количества арестованных, ориентировочно, осуждено: 2.900.000 человек — Коллегией ОГПУ, тройками НКВД и Особым Совещанием; 877.000 человек — судами, военными трибуналами, Спецколлегией и Военной Коллегией (Чупринин, 2020: 70).

Не менее значимо для понимания природы описываемого Достоевским типа русского человека посредством экзистенциальных смыслов и их последующей большевистской трансформации оказывается и явление так называемого старчества.

3. «Берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю» (Д15. Т. 9: 32).

Конечно, сюжет старчества подан прежде всего в рассуждениях автора об Алеше Карамазове и старце Зосиме. Однако в целом значение этого явления в России и, что особенно важно, тот факт, что его «стали высоко уважать в народе», состояло в том, что некое достойное своей праведной православной жизнью и высокочтимое духовное лицо получает *полное, всеобъемлющее и неустранимое право* над волей и самой жизнью другого человека⁶. В нем «признается вечная исповедь всех подвизающихся старцу и неразрушимая связь между связавшим и связанным» (там же)⁷. Правда, отмечает Достоевский, что

это испытанное и уже тысячелетнее орудие для нравственного перерождения человека от рабства к свободе и к нравственному совершенствованию может обратиться в обоюдоострое орудие, так что иного, пожалуй, приведет вместо смирения и окончательного самообладания, напротив, к самой сатанинской гордости, то есть к цепям, а не к свободе (там же: 33).

Но на это, учитывая мощный идеологический потенциал явления, ни во времена Достоевского, ни тем более при большевиках внимания не обращалось.

К тому же для бытования этого смысла имелось и еще одно серьезное основание. Читаем в романе (там же: 35):

⁶ Достоевский даже приводит историю о не подлежащем захоронению гробе с телом послушника, нарушившего связь со своим старцем. Гроб исторгался из церкви до тех пор, пока не явился старец и не снял ослушание.

⁷ Нельзя не отметить в этом случае отчетливую разоблачительную роль языка: связавший и связанный. Что может быть истолковано не просто как привязанный, но и как в прямом смысле связанный, почти что спеленутый, лишенный малейшего самостоятельного движения.

Для смиренной души русского простолюдина, измученной трудом и горем, а главное, всегдашней несправедливостью и всегдашним грехом, как своим, так и мировым, нет сильнее потребности и утешения, как обрести святыню или святого, пасть пред ним и поклониться ему: «Если у нас грех, неправда и искушение, то всё равно есть на земле там-то, где-то святой и высший; у того зато правда, тот зато знает правду; значит, не умирает она на земле, а, стало быть, когда-нибудь и к нам перейдет и воцарится по всей земле, как обещано.»

Не просто *переложить* на другого свою нужду и страдание, но и удовлетвориться тем, что кто-то, где-то вместо тебя эту нужду *преодолеет*, а к тебе *«перейдет»* результат этого преодоления, которым ты *воспользуешься*, — это не только *не зазорно и не стыдно* для твоего бездействия или твоей немочи, но даже благо.

Своего рода властную реализацию идеи старчества являет образ Великого инквизитора из известной легенды в «Братьях Карамазовых». Он берет на себя, несет крест за других, и это вовсе не насилие; паства счастлива отдать ношу взамен своей свободы. Это о природе человека.

Кроме того, рядом со старцем Зосимой Достоевский создает фигуру отца Ферапонта, хотя и противника старчества, но тоже «великого постника и молчальника», чьи претензии на господство над другими не менее очевидны. И этот «хозяин человеческих душ» в изображении Достоевского — фактический деспот. Впрочем, недалеко от феномена старчества и других «великих монахов» стоят и образы «блаженных». Такого — Семена Яковлевича — мы встречаем в «Бесах». Фигура эта малопочтенная, если не сказать карикатурная, фигура маленького деспота, который также претендует на овладение волей других, пусть и кратковременное, а не тотальное и вечное.

Тема морального господства — одна из центральных в «Бесах», хотя и с сугубо светскими, прежде всего политическими основаниями (в контексте ненавистного Достоевскому европейского либерализма), — раскрывается в отношениях Варвары Петровны, генеральши Ставрогиной, и Степана Трофимовича, равно как и в отношениях с другими ее домочадцам, в поведении Петра Верховенского в связи с «нашими», в характере и поступках Николая Ставрогина. Здесь тоже «старчество», хотя и не религиозное, а гражданское, в особенности у Петра Степановича в его отношениях с «нашими».

На идее самовластья личной воли и, конечно, господства над волей, да и самой жизнью других людей по причине, что они «обыкновенные», строится и характер Родиона Раскольникова. Главное в нем —

это, конечно, не только его переживание обнаружить себя «тварью дрожащей», а не личностью, «право имеющей», но нежелание принять за высшую над собой волю Христа. На протяжении всего повествования очевидно, что Раскольников, как и Иван Карамазов, не принимающий мира, Богом сотворенного, борется против передачи своей воли в руки Другого, пусть и сына Божьего. Однако финал романа — наконец-то достигшее цели влияние Сони, чтение Раскольниковым «Евангелия» и, как следствие, принятие его, обновленного, другими каторжниками — обозначает довлеющую авторскую позицию: отдать душу и волю — благо. Но только в руки Христа.

В этом же — христиански «пострадать» за прежнюю несправедливую жизнь — находит для себя справедливость и несправедливо осужденный Дмитрий Карамазов. И в целом в поручении своей души и воли другому, что, как было отмечено, с удовольствием принимается русским народом, Достоевский видит спасение и высшую гармонию. Но не слишком крепко русский народ держался именно за гармонию христианства. Оказалось, что поставить на место упраздненного Христа большевистскую волю, коммунистическую власть, хотя и через большую кровь, но все же можно. Философская идея прихода антихриста реализовалась на практике.

На экзистенциальном смысле брать «вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю» было выстроено все здание коммунистической идеологии и партийной организации. Программы большевиков, их принцип демократического централизма с его фиктивной коллективностью и реальной диктатурой сначала партийной верхушки, а потом и во все одного человека — не что иное, как насильственное принятие любой воли в «свою волю и свою душу». Комментируя большевистские программы 1903 и 1918 годов, британский историк Э. Карр, известный своим исследованием «История Советской России», отмечал: важным положением было

приобретение партий, в сущности, политической монополии на всей территории страны. Никакая политическая теория не отрицает права политической партии устанавливать для своих членов жесткие рамки, будь то поведения или убеждений, и исключать тех, кто не подчиняется (Карр, Вольская и др., 1990: 158).

Именно «рамки убеждений», для своего господства устанавливаемые диктатором, и были большевистской формой зафиксированного

Достоевским темпорального экзистенциального смысла о приятии любой человеческой души и воли в душу и волю, для этого специально определенную.

Следующий — далеко идущий во времени и важный по своим политическим последствиям темпоральный экзистенциальный смысл о неизбежности божьего прощения любого, даже великого, греха.

4. «И совершить не может совсем такого греха великого человек, который бы истощил бесконечную божью любовь» (Д15. Т. 9: 59).

К этому смыслу имеется уточнение: на божье прощение и любовь в первую очередь и преимущественно могут рассчитывать не просто согрешившие, но грешники великие, ибо им тяжелее всего от грехов очиститься и без помощи Господа (первоочередной) им не обойтись. По этой логике в «очереди» на прощение в первых рядах должны оказаться убийцы Раскольников, Смердяков и Петр Верховенский. Несколько подождать придется Федору Павловичу, Ивану Карамазову и Мармеладову. А уж Митя Карамазов с грехом — ранением слуги Григория — в последних рядах. Но все (*все!*), включая генерала, затравившего ребенка собаками, прощены будут, и невольный крик Алеши «расстрелять!» — ошибка чувствительного сердца, незрелого ума. Придет Христос, всех простит, наделит свободой, и упразднится порядок Великого инквизитора. Верую, потому что абсурд!⁸

Но если не в позитивном смысле — нет такого греха, который бы прощен не был, — то в каком же ином смысле формулирует этот экзистенциальный смысл Достоевский? Возможный ответ, если допустить пророческий и в то же время рациональный дар Федора Михайловича, что, на мой взгляд, маловероятно, может быть таким: провидел он российскую страсть к возмездному бунту, неизбежную гражданскую войну всех против всех и от нее — хотя бы и абсурдом — предостерегал. Не вышло. Отчасти и потому, что *связаны между собой экзистенциальные смыслы, целостны и глубоко имплантированы в природу русского человека*. И если силен смысл «рвущаяся к свету душа» в совокупности с «берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю», то логичен, истинен и не отменим от первых двух также третий смысл:

⁸Обозначенным, но не отвеченным в романе остался бунт Ивана Карамазова: «Уж когда мать обнимется с мучителем, растерзавшим псами сына ее, и все трое возгласят со слезами: „Прав ты, господи“, то уж, конечно, настанет венец познания и всё объяснится. Но вот тут-то и запятая, этого-то я и не могу принять. И пока я на земле, я спешу взять свои меры» (Д15. Т. 9: 275).

«и совершить не может совсем такого греха великого человек, который бы истощил бесконечную божью любовь».

Пришедший на смену упраздненной религии коммунизм претендовал быть, как отмечал Н. А. Бердяев, религией новой. Коммунизм «сам хочет быть религией, идущей на смену христианству, он претендует ответить на религиозные запросы человеческой души, дать смысл жизни» (Бердяев, 1955: 129). И далее, конкретизируя (там же: 131):

Для Ленина проблема религии есть почти исключительно проблема революционной борьбы и ее постановка приспособлена для нужд этой борьбы.

В этом контексте партия коммунистов, как вид нового божества, берет на себя право и способность Господа прощать любой, самый великий грех, если только он служит ее делу, ее задачам, отвечает провозглашаемым ею идеалам. И здесь само собой открывается огромное поле для демагогических интерпретаций: кого, за что, в какой мере и за какие грехи прощать или не прощать. А поскольку в массе вопросы эти решались на уровне низового партийца со свойственными ему убогим уровнем знаний, культуры и отсутствием милосердия, что в целом имевалось революционным сознанием, то и интерпретации и решения были кровавы, безграничны и грубы.

Однако после того, как приведены рассуждения о темпоральных экзистенциальных смыслах, теперь, когда основные из них обозначены и о них дано представление, следует озаботиться вопросом о людях, посредством которых они реализовывались.

5. «...Может быть, на сто верст кругом не было ни одного человека, начиная с него первого, хоть бы с виду только похожего на будущего члена „всемирно-общечеловеческой социальной республики и гармонии“» (Д15. Т. 7: 52).

Это резюме разговора Николая Ставрогина с Липутиным («Бесы»), о котором Достоевский говорит как о невзрачной и чуть ли не подленькой фигурке губернского чиновнически,

ревнивца и семейного грубого деспота, скряги и процентчика, запиравшего остатки от обеда и огарки на ключ, и в то же время яростного сектатора бог знает какой будущей «социальной гармонии», упивавшегося по ночам восторгами пред фантастическими картинами будущей фаланстеры, в ближайшее осуществление которой в России и в нашей губернии он верил как в свое собственное существование (там же).

«Бог знает как эти люди делаются!» — размышляет о нем Ставрогин, а вслед за ним и Достоевский, не оставивший нам ответа на этот риторический вопрос, разве что своим обширными рассуждениями о «подпольном человеке» (Никольский, 2011).

Однако то, что «на сто верст кругом» во времена Достоевского не было культурного, сколько-нибудь рационально мыслящего и в то же время революционно настроенного русского, но кои (революционно настроенные «сектаторы», хотя и далекие от рационального мышления) массой возникли в течение рокового 1917 года, ставит вопрос не только об умелой подстрекательской деятельности большевиков, но и о предуготовленности к революционному хаосу русского человека, обладающего природой, выпестованной предшествующей историей. Именно предуготовленность следует поставить в центр понимания природы революционного хаоса, чего до сих пор почти не делалось, и в этой связи в первую очередь обратиться к русской классической литературе. В философствующей русской классике последней трети XIX столетия вопрос о природе человека сделался едва ли не центральным. Так, трезво смотревшие на народ Николай Лесков, Антон Чехов, Максим Горький, а в XX веке Иван Бунин, Михаил Шолохов, Андрей Платонов и многие другие отмечали в нем много чего не только культурно неразвитого, но и вовсе дикого. Вспомним сетования Лескова о рабской покорности крестьян перед начальством, пусть самым мелким; об отмеченной Чеховым звероподобной жизни крестьян; о наблюдаемой Горьким перманентной неспособности к сколько-нибудь согласованной жизни обывателей небольших городков. При этом, возможно, именно Горький пошел дальше всех понимателей русской природы, выпустив по окончании гражданской войны брошюру «О русском крестьянстве». Атмосфера бесправия, — отмечает автор, — в которой столетиями жил русский народ, приучила его к мысли о законности бесправия и о праве, «зоологической естественности» анархизма. В этой естественности наиболее полно проявляет себя жестокость.

Я думаю, что русскому народу исключительно — так же исключительно, как англичанину чувство юмора — свойственно чувство особенной жестокости, хладнокровной и как бы испытывающей пределы человеческого терпения к боли, как бы изучающей цепкость, стойкость жизни (Горький, 1922: 17).

И далее (там же: 41):

...я просто хочу сказать то, что хорошо знаю и что — в мягкой форме — можно выразить словами печальной, но — истинной правды: какими бы идеями

ни руководились люди, — в своей практической деятельности они все еще остаются зверями. И часто — бешеными.

И как дикари, нацеливаемые на новые для них задачи, могли обойтись без смыслов-метафор, тем более, что они не были придуманы, а содержались в их исторически сложившейся природе? Идеи большевизма пали на благодатную почву, и в другой стране, на другой почве они не дали бы всходов, что история и показала⁹.

Далекие от рационального постижения реальности воспринявшие большевизм люди были склонны к чувственно-мифическому его постижению и, значит, были и есть легко управляемы¹⁰. И именно эту особенность русского сознания отлично поняли и ей воспользовались коммунисты. Но это также предвидел и Достоевский, когда размышлял о появлении в русской ледяной пустыне последователей «лихих людей». Он отмечал (Д15. Т. 7: 75):

Их пленяет не реализм, а чувствительная, идеальная сторона социализма, так сказать, религиозный оттенок его, поэзия его... с чужого голоса, разумеется.

⁹Впрочем, нельзя, говоря о Достоевском, ограничиться мнением его духовных оппонентов. Следует привести и его веру, выраженную словами старца Зосимы: «Россию спасет господь, как спасал уже много раз. Из народа спасение выйдет, из веры и смирения его. Отцы и учителя, берегите веру народа, и не мечта сие: поражало меня всю жизнь в великом народе нашем его достоинство благолепное и истинное, сам видел, сам свидетельствовать могу, видел и удивлялся, видел, несмотря даже на смрад грехов и нищий вид народа нашего. Не раболепен он, и это после рабства двух веков. Свободен видом и обращением, но безо всякой обиды. И не мстителен, и не завистлив. „Ты знатен, ты богат, ты умен и талантлив — и пусть, благослови тебя бог. Чту тебя, но знаю, что и я человек. Тем, что без зависти чту тебя, тем-то и достоинство мое являю пред тобой человеческое“. Воистину, если не говорят сего (ибо не умеют еще сказать сего), то так *поступают*, сам видел, сам испытывал, и верите ли: чем беднее и ниже человек наш русский, тем и более в нем сей благолепной правды заметно, ибо богатые из них кулаки и мироеды во множестве уже развращены, и много, много тут от нерадения и несмотрения нашего вышло! Но спасет бог людей своих, ибо велика Россия смирением своим. Мечтаю видеть и как бы уже вижу ясно наше грядущее: ибо будет так, что даже самый развращенный богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего пред бедным, а бедный, видя смирение сие, поймет и уступит ему с радостью, и лаской ответит на благолепный стыд его. Верьте, что кончится сим: на то идет. Лишь в человеческом духовном достоинстве равенство, и сие поймут лишь у нас. Были бы братья, будет и братство, а раньше братства никогда не разделятся. Образ Христов храним, и воссияет как драгоценный алмаз всему миру... Буди, буди!» (Д15. Т. 9: 354–355)

¹⁰«...Завтра же я осужу и сожгу тебя на костре, как злейшего из еретиков, и тот самый народ, который сегодня целовал твои ноги, завтра же по одному моему мановению бросится подгребать к твоему костру угли, знаешь ты это?» (там же: 281)

Но на чем же основывается это сознаваемое следование (именно так!), как был уверен Достоевский, чужим образцам? На кажущейся очевидности и простоте «принципа всеобщего разрушения для добрых окончательных целей» (Д15. Т. 7: 92), на задавленной долгим рабством, но до конца все же не уничтоженной «гордости нашей», на «потребности риска», на «вызове судьбе», «вызове в беспредельность» (Д15. Т. 9: 176).

Впрочем, все перечисленные героические проявления человеческой природы имели не только редко встречаемый у обычных людей, но и кратковременный характер. В массе своей люди были покладисты и терпеливы.

б. «Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем ты о нем думал! ...Он слаб и подл. Что в том, что он теперь повсеместно бунтует против нашей власти и гордится, что он бунтует? ...Но догадаются наконец глупые дети, что хоть они и бунтовщики, но бунтовщики слабосильные, собственного бунта своего не выдерживающие» (там же: 288–289). И далее (там же: 291): «Мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы. О, мы убедим их наконец не гордиться, ибо ты вознес их и тем научил гордиться; докажем им, что они слабосильны, что они только жалкие дети, но что детское счастье слаще всякого. Они станут робки и станут смотреть на нас и прижиматься к нам в страхе, как птенцы к наседке».

Такова и была история большевизма в России и СССР, начавшаяся при Ленине и бурно продолжившаяся после его смерти. И по мере того, как в стране устанавливалась диктатура Сталина и создавалась система коммунистического тоталитаризма, то, что советские люди в массе своей становились похожими на «жалких детей», сомнению не подлежит. В конце концов это нашло свое материальное выражение в феномене сложившегося «советского человека».

Так, в известном исследовании Н. Н. Козловой приводятся яркие примеры таких «взрослых детей». Автор живописует созданные советской властью человеческие типы. Вот Василий Иванович и Иван Иванович, основные особенности которых — видеть, сознавать и сообщать другим исключительно то, что велит партия, колеблясь вместе с ее «линией». Это мелкие идеологические начальники, жизненным путеводителем для которых является постоянный страх неверно понять указание, допустить ошибку в толковании. В домашнем архиве одного из них имеется текст напутственной речи выпускникам университета

марксизма-ленинизма «Чему учит сталинский Краткий курс истории ВКП(б)». В нем говорится (Козлова, 1996: 115):

Товарищи! Вы заканчиваете изучение великой Сталинской энциклопедии основных знаний в области марксизма-ленинизма, краткого курса истории ВКП(б). Ни одна книга в истории марксизма не имела столь широкого распространения. Достаточно сказать, что в наше время на всех языках народов мира издано было около 40 млн. экземпляров «Истории ВКП(б)».

Однако это не препятствует ему после XX съезда сменить ориентиры и постоянно к своим речам добавлять «как сказал товарищ Хрущев», а заодно и ниспровергать Сталина за «культ личности».

Третий герой — более самостоятельный советский тип. Владимир Ильич тоже из крестьян, исправно служивший на разных мелких «ответственных» должностях. Выйдя на пенсию, работает вахтером, чтобы «быть с людьми». Он по-прежнему соблюдает кодекс официальных правил: к праздникам выпускает стенгазету и «Информационный бюллетень», сочиняет сообразительности и правила внутреннего распорядка, готовит профконференции и отчеты месткома, оформляет протоколы собраний, поздравляет сослуживцев в дни рождения открытками. В итоге бригада, состоящая, по его свидетельству, из бездельных стариков, пьяниц и воров, получает призы и премии, а сам организатор премируется путевкой в Дом отдыха «Тихий уголок».

Еще один герой Козловой — тоже «низовой» человек, но из «нижних средних слоев» власти. Николай Андреевич известен тем, что во время блокады Ленинграда вел свой «блокадный дневник». Окончив с отличием Московскую Высшую партийную школу в 1940 году, он назначается секретарем РК ВКП(б) в Выборге, который после окончания финской войны был включен в состав Карело-Финской ССР. Отходя вместе с отступающими войсками, он вначале не находит работы и в качестве иждивенца получает карточку, по которой можно прожить в месяц лишь 10 дней. К тому же заболевает дизентерией. Он ест оладьи из дуранды на кокосовом масле, кисель из какао, пьет рюмку пайкового вина с одной конфетой. В дневнике записывает: «рассказывают, что некоторые уже кошек употребляют».

Однако ситуация резко меняется, когда Николая Андреевича зачисляют на работу в Смольный инструктором горкома партии Ленинграда. В его «блокадном дневнике» появляется запись (там же: 261):

С питанием теперь особой нужды не чувствую. Утром завтрак — макароны, или лапша, или каша с маслом и два стакана сладкого чая. Днем обед —

первое щи или суп, второе мясное каждый день. Вчера, например, я скушал на первое зеленые щи со сметаной, второе котлету с вермишелью, а сегодня на первое суп с вермишелью, на второе свинина с тушеной капустой. Вечером для тех, кто работает, бесплатно бутерброд с сыром, белая булочка и пара стаканов сладкого чая.

Герой далее с удовольствием рассказывает о времяпрепровождении в доме отдыха для партийного актива Ленинградской организации, который в былые времена, как он пишет, «с целью охоты» посещал сам Сергей Миронович Киров. Партийный работник опять же подробно живописует обычные для отдыхающих блюда: мясные и рыбные деликатесы, вина и фрукты. И завершает (Козлова, 1996: 266):

Война почти не чувствуется. О ней напоминает лишь далекое громохание орудий, хотя от фронта всего несколько десятков километров. Да. Такой отдых, в условиях фронта, длительной блокады города, возможен лишь у большевиков, лишь при Советской власти.

По словам Великого инквизитора, это слабые и подлые дети? Если не упоминать Христа, то характеристики вряд ли точные. От миллионов таких (а число членов партии, комсомольцев, профсоюзных работников и прочих «сочувствующих» во второй половине 30-х годов доходило до двадцати миллионов) зависела жизнь остальных ста тридцати миллионов жителей страны. Но именно на «передовом отряде» держался сталинский строй, и согласовывал он свои действия с обнаруженными Достоевским экзистенциальными смыслами.

Как уже было отмечено, темпоральные экзистенциальные смыслы согласовывались между собой. Но еще более важным в их будущем коммунистическом бытии стало их превращение в целостную, единственно верную систему знаний и убеждений.

7. «Ибо забота этих жалких созданий не в том только состоит, чтобы сыскать то, пред чем мне или другому преклониться, но, чтобы сыскать такое, чтоб и все уверовали в него и преклонились пред ним, и чтобы непременно все вместе. Вот эта потребность общности преклонения и есть главнейшее мучение каждого человека единолично и как целого человечества с начала веков. ...Есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, — эти силы: чудо, тайна и авторитет» (Д15. Т. 9: 286–287).

Первой задачей большевистской власти было сыскать то, пред чем жители страны преклонились бы и «непременно все вместе». И ее решение слагалось из двух частей: во-первых, реальной и очевидной и, во-вторых, сконструированной и мифической. Реальной и очевидной была феодально-раннекапиталистическая природа царского самодержавия, чьи естественные пороки переходной формы были усугублены рядом грубых внешне- и внутривластных просчетов николаевской власти. И очевидная идея реинкарнации изжившего и дискредитировавшего себя самодержавия давала более чем достаточные основания для критики и формулирования необходимости задачи его разрушения. В этом разрушении была исторически едина и сильна вся противостоящая царизму оппозиция — от крайне правых до крайне левых. Однако она не только не имела опыта какого-либо совместного позитивного действия, но даже не признавала его необходимость.

К этому состоянию — невозможности для защитников самодержавия осознания необходимости его преодоления — добавилась и исторически бесперспективная позиция разных сил в рамках «белого движения». Ничего, кроме реставрации старых порядков, его лидеры предложить не могли, а если у них и были отдельные нюансы в пределах этой общей реконструктивной позиции, то противостоящие им «красные» массы способностей разобраться в тонкостях различий их позиций не имели, да и в условиях гражданской войны любые нюансы мало что значили.

Таким образом, «преклониться все вместе» массы, как объект воздействия новой власти большевиков, были готовы прежде всего в общем намерении не возвращаться в прошлое. Но вот то, что касается современности и тем более представлений о желаемом будущем, требовало специальных масштабных властных усилий. В чем они заключались?

Во-первых, условно со времени утверждения Сталина Генеральным секретарем партии (в апреле 1923 года) нужно было создать новый образ власти, перед которой предстояло преклониться. А это требовало прежде всего переписать недавнюю историю страны. Сделать это при жизни ее реальных участников, в том числе и не уступающих Сталину по рангу, было нельзя. Для решения задачи замены форм партийной демократии партийной диктатурой в течение 20-х и первой половины 30-х годов в стране были организованы не только партийные «чистки», но и специальные показательные процессы, касавшиеся многих областей жизни и личностей самого высокого уровня. Вместе с «негодными кадрами» из партийной жизни, а во многих случаях и из жизни вообще, устраняли всех, чья память и сознание были противны

новому толкованию современности, включая недавние предоктябрьские и послеоктябрьские годы. От этого времени и до конца сталинизма в своей крайней форме политика «преклониться всем вместе» сделалась главным императивом всех политических усилий.

Во-вторых, политика «преклониться всем вместе» осуществлялась посредством создания образа фантастического «светлого завтра». Такого рода работа велась по всем политико-идеологическим направлениям — от низовых политинформаций до Конституции 1936 года, самой демократической и гуманной из всех в то время существовавших в мире.

Две составные части конструируемого сознания с целью создания образа «светлого завтра» обеспечивали успех коллективного преклонения. Это были пророчески разгаданные и исследованные, в частности Андреем Платоновым, способности человеческого сознания: фантазия и фанатизм. Обе работали как в сфере переформатирования памяти и толкования современности, так и в сфере созидания представлений о завтрашнем дне (см. Неретина, Никольский и Порус, 2019). Успешность их работы обеспечивалась не только выработанным столетиями доминантным состоянием покорности российского населения, но и состоянием страха, постоянно культивируемым тоталитарным режимом. Что же до «уверования в него и преклонения перед ним», то эти человеческие свойства успешно и в полной мере обеспечивались, по слову Великого инквизитора, «единственными силами на земле»: чудом, тайной и авторитетом. То, как идеология и пропаганда создавали то, что очень поверхностно было поименовано «культом личности Сталина», огромная по своему содержанию и существенному разнообразию исследовательская тема. Здесь же будет довольно лишь указать на нее.

Завершая рассмотрение темы темпоральных экзистенциальных смыслов в связи с героями Ф. М. Достоевского, отмечу следующее. Выделенные в тексте семь смыслов прежде всего являются органическими частями самих произведений. Без их формулирования герои романов имели бы не столь глубокие, философски значимые характеры. Выделяя и раскрывая их содержание, Достоевский, несомненно, отчетливо сознавал, что тем самым дает представление о природе русского человека, существенно отличной от природы людей иных культур, в том числе и прежде всего критикуемой им природе европейцев, не говоря

уже о природе шовинистически третируемых им «жидов и полячишек». В этой природе автор романов усматривал возможность божеского предназначения русских «сказать свое слово миру», вывести мир из трясины лжи, меркантилизма и потребительства, что ассоциировалось им с либерализмом, идеологией которого все сильнее оболъщается Европа и на чем пытается созидать себя Америка. Митя Карамазов срывается на голос (Д15. Т. 9: 155):

Я эту Америку, черт ее дери, уже теперь ненавижу. Пусть Груша будет со мной, но посмотри на нее: ну американка ль она? Она русская, вся до косточки русская, она по матери родной земле затоскует, и я буду видеть каждый час, что это она для меня тоскует, для меня такой крест взяла, а *чем* она виновата? А я-то разве вынесу тамошних смердов, хоть они, может быть, все до одного лучше меня? Ненавижу я эту Америку уж теперь! И хоть будь они там все до единого машинисты необъятные какие али что — черт с ними, не мои они люди, не моей души! Россию люблю, Алексей, русского бога люблю, хоть я сам и подлец! Да я там издохну!

Вряд ли эти слова не мог бы произнести сам Достоевский.

Но экзистенциальные смыслы, как открывает нам история, темпоральны, то есть они перебрасываются во времени, обретая новую жизнь в большевистскую эпоху. Отчего они начинают давать о себе знать именно в это время? Вероятно, потому, что в это время страна в очередной раз начинает искать божеское предназначение в мире, сознавать глубинный смысл своего бытия и, более того, безоглядно практически преобразует себя по образу и подобию некоей схемы, в которой даже ее творцы толком не разобрались. Путеводным маяком здесь выступает лишь авторитет Ленина: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно» (Ленин, 1973: 43).

Однако в применении марксизма на русской почве было больше авантюрного действия, основанного на фантазии и фанатизме преобразователей-большевиков, чем даже простого здравого смысла, и еще менее — следования реальному марксизму. Броситься в русскую пучину переустройства могли только люди, в самом деле иррационально уверовавшие, что это именно то, чего жаждет их «рвущаяся к свету душа» и что обеспечивается остальными присущими их природе качествами и смыслами, открытыми Достоевским.

Осознанны ли эти присущие природе русского человека экзистенциальные смыслы? Перестал ли он им слепо, как прежде, доверять? Однозначный ответ на эти вопросы вряд ли возможен.

СОКРАЩЕНИЯ

- Д15 *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 15 т. / под ред. В. Н. Захарова. — М., Л. : Наука, 1988–1996.
Т. 5 : Преступление и наказание / под ред. Г. М. Фридлендера. — 1989.
Т. 7 : Бесы / под ред. В. А. Туниманова. — 1990.
Т. 9. Ч. 1–3 : Братья Карамазовы / под ред. Г. М. Фридлендера. — 1991.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. — Париж : YMCA-Press, 1955.
Горький М. О русском крестьянстве. — Берлин : Издательство И. П. Ладьяникова, 1922.
Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпох. Голоса из хора. — М. : Институт философии РАН, 1996.
Неретина С. С., Никольский С. А., Порус В. Н. Философская антропология Андрея Платонова. — М. : Институт философии РАН, 2019.
Никольский С. А. Достоевский и явление «подпольного» человека // Вопросы философии. — 2011. — № 12. — С. 77–87.
Преображенский Е. А. О морали и классовых нормах. — М. : Гос. изд-во, 1923.
Трифонов Ю. В. Нетерпение. — М. : Изд-во полит. лит-ры, 1974.
Тургенев И. С. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 9. Новь. Повести и рассказы 1874–1877 / под ред. М. П. Алексеева. — М. : Наука, 1982.
Франк С. Л. Русское мировоззрение. — СПб. : Наука, 1996.
Чупринин С. 1953 // Оттепель. События. Март 1953 – август 1968. — М. : Новое литературное обозрение, 2020.
Карр Э. Власть партии // История советской России. В 14 т. Т. 1. Книга первая : большевистская революция 1917–1923 / пер. с англ. З. П. Вольской, О. В. Захаровой, Н. Н. Кольцова. — М. : Прогресс, 1990. — С. 157–177.
Ленин В. И. Как организовать соревнование? // Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 35. Октябрь 1917 – март 1918 / под ред. М. Я. Панкратовой. — М. : Изд-во полит. лит-ры, 1974. — С. 195–205.

Nicol'skiy, S. A. 2021. "Temporal'nyye ekzistentsial'nyye smysly geroyev Dostoyevskogo i ikh bol'shevist-skaya reinkarnatsiya [Temporal Existential Meanings of Dostoevsky's Heroes and Their Reincarnation by the Bolsheviks]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 5 (3), 32–55.

SERGEY NICKOLSKY

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY, ASSOCIATE PROFESSOR
CHIEF RESEARCH FELLOW, HEAD OF THE PHILOSOPHY OF CULTURE SECTOR
RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-2202-2043

TEMPORAL EXISTENTIAL MEANINGS OF DOSTOEVSKY'S HEROES AND THEIR REINCARNATION BY THE BOLSHEVIKS

Submitted: Aug. 11, 2021. Reviewed: Aug. 25, 2021. Accepted: Sept. 03, 2021.

Abstract: Each of the main heroes of F. M. Dostoevsky in his novels "The Brothers Karamazov," "Crime and Punishment" and "Demons" is accompanied by the existential meanings, which are the integral parts of the works. The heroes would not have such deep and philosophically significant characters if not the formulation of these meanings. They are: "a soul striving to the light;" the sanctioned "bloodshed in the name of conscience," *the starchestvo*: "someone who takes your soul and your will into his soul and into his will;" "God's love, which is endless and inexhaustible" by any sin; the unthinkable but still the manifestation in reality of "a future member of the 'world-wide human social republic and harmony;'" the definition of people as "weak rebels who can't stand their own rebellion" and finally the need for a "comonation in admiration" for the "forces of miracle, mystery and authority." But existential meanings, as we know from history, are temporal. They can be thrown through time and find a new life as they actually do in Bolsheviks era. Why do they begin to reveal themselves particularly at this time? Probably because the country begins to look for its divine purpose in the world once again, to realise the deep meaning of its existence and moreover to transform this meaning practically in accordance with a certain scheme which is not even understand well by its creators. The application of Marxism in the experience of Russia entailed more adventurous action, inspired by fantasy and fanaticism, than just an ordinary common sense. The one who can plunge into this abyss should believe that this is his soul "striving to the light" and that this is supported by another existential qualities and habitudes of his nature.

Keywords: Man, History, Existential Meaning, Temporality, Bolshevism, Fantasy, Fanaticism.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-3-32-55.

REFERENCES

- Berdyyayev, N. A. 1955. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origin Of Russian Communism] [in Russian]. Parizh: YMCA-Press.
- Carr, E. 1990. "Vlast' partii [The Power of the Party]" [in russia]. In *Kniga pervaya* [The First Book] : *bol'shevist-skaya revolyutsiya 1917–1923* [The Bolshevik Revolution of 1917–1923], vol. 1 of *Istoriya sovet-skoy Rossii* [A History of Soviet Russia], trans. from the English by Z. P. Vol'skaya, O. V. Zakharova, and N. N. Kol'tsov, 157–177. 14 vols. Moskva [Moscow]: Progress.

- Chuprinin, C. 2020. "1953 [1953]" [in Russian]. In *Ottepel'. Sobytiya. Mart 1953 – avgust 1968 [The Thaw. Events. March 1953 – August 1968]*. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Dostoyevskiy, F. M. 1988–1996. *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]* [in Russian]. Ed. by V. N. Zakharov. 15 vols. Moskva [Moscow] and Leningrad: Nauka.
- Frank, S. L. 1996. *Russkoye mirovozzreniye [Russian Mentality]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Gor'kiy, M. 1922. *O russkom krest'yanstve [About the Russian Peasantry]* [in Russian]. Berlin: Izdatel'stvo I. P. Ladyzhnikova.
- Kozlova, N. N. 1996. *Gorizonty povesednevnosti sovet'skoy epokh. Golosa iz khora [Horizons of Everyday Life of the Soviet Era. Voices from the Choir]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Institut filosofii RAN.
- Lenin, V. I. 1974. "Kak organizovat' sorevnovaniye? [How to Organize a Competition?]" [in Russian]. In *Oktyabr' 1917 – mart 1918 [October 1917 – March 1918]*, vol. 35 of *Polnoye sobraniye sochineniy [The Complete Collection of Works]*, ed. by M. Ya. Pankratova, 195–205. 55 vols. Moskva [Moscow]: Izd-vo polit. lit-ry.
- Neretina, S. S., S. A. Nikol'skiy, and V. N. Porus. 2019. *Filosofskaya antropologiya Andrey a Platonova [Andrey Platonov's Philosophical Anthropology]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Institut filosofii RAN.
- Nicol'skiy, S. A. 2011. "Dostoyevskiy i yavleniye 'podpol'nogo' cheloveka [Dostoevsky and the Phenomenon of the 'Underground' Man]" [in Russian]. *Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]*, no. 12: 77–87.
- Preobrazhenskiy, Ye. A. 1923. *O morali i klassovykh normakh [About Morality and Class Norms]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Gos. izd-vo.
- Trifonov, Yu. V. 1974. *Neterpeniye [Impatience]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izd-vo polit. lit-ry.
- Turgenev, I. S. 1982. *Nov'. Povesti i rasskazy 1874–1877 [Nov'. Novellas and Short Stories 1874–1877]* [in Russian]. Vol. 9 of *Sobraniye sochineniy [Complete Works]*, ed. by M. P. Alekseyev. 12 vols. Moskva [Moscow]: Nauka.